

Напев калик переходящих и его роль в русской народно-музыкальной традиции

Калики переходящие – русские странники-богомольцы, совершавшие далекие путешествия по святым местам. Сведения о паломничествах в Иерусалим, Константинополь, зафиксированные в письменных источниках с начала XII века, говорят о том, что в формировании этого социального института значительную роль сыграли представители древнерусской церковной среды. В летописях и путевых записках сохранились имена киевских, новгородских, псковских, смоленских путешественников, среди которых – игумен Даниил, Данила Ядрейкович (будущий новгородский архиепископ Антоний), Григорий Калека, монах Стефан Новгородец, Игнатий Смольянин и другие. На протяжении нескольких столетий роль каликов заключалась в трансляции и распространении христианских ценностей на Руси. Именно в их среде складывались и развивались особые музыкально-поэтические формы древнерусской культуры – духовные стихи. Их тексты в доступной форме переизлагали библейские сюжеты и объясняли основы христианского учения. С развитием паломничества артели калик пополнялись и другими странниками – выходцами из деревень, представителями беднейших слоев населения. Таким образом, постепенно сложилась особая социальная группа бродячих певцов (часто – увечных и слепцов), живущих подаянием и более тесно связанных с определенной местностью.

Репертуар калик переходящих был разнообразен и включал не только духовные стихи-истории религиозно-нравственного содержания, но и их собственные сочинения – заздравные и поминальные песнопения, исполняемые как просьбы о милостыне. Собирателем музыкального фольклора, автор первого специального музыковедческого исследования о напевах духовных стихов, А. Л. Маслов назвал эти песнопения продуктом творчества «новых каликов» и обратил внимание на их мелодическое сходство {1}.

Наиболее ранние слуховые нотации духовных стихов «нищих братии» были опубликованы в песенных сборниках XIX века. Немногочисленные звукозаписи заздравных и поминальных песнопений, сделанные в середине и второй половине следующего столетия, зафиксировали голоса последних носителей музыкальной традиции нищих певцов-странников. Они содержатся в разных источниках и нуждаются в обобщении и интерпретации. Существенная часть имеющихся образцов напевов каликов связана с северо-западными территориями России. Таким образом, задачи настоящей статьи видятся в следующем:

- представить факты, свидетельствующие о сохранности певческой традиции каликов переходящих на Северо-Западе России;
- провести сравнительное исследование текстов и напевов заздравных и поминальных песнопений;
- выявить типологические свойства ведущего напева «нищих братии», его структурные и интонационные истоки;
- обозначить роль этого напева в русской народной музыкальной культуре.

Заздравные и поминальные стихи в народно-песенных традициях Северо-Запада России

Согласно записям, сделанным в XIX веке, песнопения, исполняемые нищими певцами в качестве просьбы о подаянии, выполняли функцию поминовения умерших либо были обращены к живым. Их смысловая дифференциация отражалась в ремарках собирателей («заздравный», «поминальный», «заупокойный»). Поэтические тексты, зафиксированные в разных (преимущественно, центральных и северо-западных) губерниях России, были довольно близкими вариантами.

Два заздравных стиха (с подзаголовком «Благодаренье за милостыню») были впервые опубликованы русским фольклористом-филологом, собирателем народных песен П. В. Киреевским в 1848 году {2, с. 221-222}. В 1861 году эти же тексты были включены П. А. Бессоновым в первый том собрания «Калики переходящие» {3, с. 41}. В нем же мы найдем и пример поминального стиха. В изданиях Киреевского и Бессонова отсутствуют указания на места записи данных образцов. Кроме того, известно, что при подготовке своих изданий авторы могли дополнять текст на основе других слышанных ими вариантов или даже «сводить» их в единое повествование. Однако тем самым первые собиратели предоставили нам возможность максимально полно познакомиться с поэтическими мотивами и образами народных духовных стихов, многие из которых впоследствии не были выявлены в ходе полевой работы.

Вскоре в сборниках народных песен стали появляться варианты заздравных и поминальных стихов с напевами. Среди наиболее ранних слуховых нотаций духовных песнопений следует отметить образцы, зафиксированные известным государственным деятелем, знатоком русского фольклора Т.И. Филипповым от певцов города Ржева Тверской губернии. Они были переданы автором Н. А. Римскому-Корсакову, и композитор включил их в сборник обработок «40 народных песен» 1882 года {4, с. 17-18}.

В 1890 году в Боровичском уезде Новгородской губернии песнопения калик переходящих (в том числе – напев заздравного стиха) услышал А. К. Лядов. В сборнике русских народных песен, вышедшем в 1898 году (ор. 43), автор привел свою нотацию, сопроводив ее лишь фрагментом поэтического текста, оставив комментарий – «конец неизвестен» {5, с. 7}.

Еще одна запись, требующая внимания, была сделана в 1901 в Ярославской губернии во время экспедиции Песенной комиссии Русского географического общества композитором И. В. Некрасовым, филологами Ф. И. Покровским и Ф. М. Истоминым. Поминальный стих, опубликованный в сборнике «50 песен русского народа», представлен в обработке А. К. Лядова для голоса и фортепиано {6, с. 4-5}.

Сравнивая заздравные, можно сделать вывод об устойчивости зачинных разделов их текстов: они содержат обращения к слушателям от имени «нищей братии», поэтические мотивы молитвенного характера (призывание Бога и святых помощников), императивные формулы, отсылающие к поэтике русских заговоров. Некоторые варианты текстов включают дополнительный сюжетный блок – моления за «военного человека».

Варианты текстов заздравных стихов

<i>П. В. Киреевский {2, с. 221-222}</i> А мы, нищая братья, Мы, убогие люди, Должны Бога молити, У Христа милости просити За поящих, за кормящих, Кто нас поит и кормит, Обувает, одевает, Христу славу отсылает*. Сохраняй вас и помилуй Сам Христос, Царь Небесный! Богородица! Мать Божья, Мать, Пречистая Царица, Воскресение Христово, Вознесение Святое, Святой Петр и Павел И Кузьма со Демьяном, Херувимы, Серафимы, Вся Небесная Сила! Свет Михайло Архангел, И Гаврила Благоверный, Сохрани вас и помилуй С семьей, с животами, Со всем домом благодатным! Всех от скорби, от болезни, Зла, лихого человека, Сохраняй вас и помилуй! От напрасного слова Кажинного христианина, По путям и по дорожкам И по чужим дальным сторонам, Батюшкиным благословеньем, Матушкиным порожденьем, Нашим нищенским молением! Буйные головы от боли, Ясные очи от нищеты, Живот, сердце от тошноты! Стань же, Господи, на помощь, Святы Ангелы на радость! Телесам на здоровье, Душам вечное спасение! Грехам на прощение, На многие лета!	<i>А. К. Лядов, Новгородская губерния, Боровичский уезд {5, с. 7}: Уж мы нищая братия, Мы убогие люди, Мы должны богу молитися, У Христа милости просить... (конец неизвестен)</i> <i>Т. И. Филиппов, Тверская губерния, г. Ржев {4, с. 18}: Мы нищая братия, Мы убогие люди Мы должны Бога молити, Христа милости просити, Кто нас поит, кто нас кормит, Обувает, одевает, Грешно тело прикрывает. Сохрани, Господь, помилуй, От лихого человека, От напрасной от смерти; Сотвори им, Господи, Многая лета!</i> <i>П. А. Бессонов (вариант моления «за военного человека») {3, с. 35} * ...За военна чловека, И за щастье яво, за дольку, За грехов отпущенья. А пощасть яму Господь Бог Потпутям по дорожкам, А при царскою службы, При пяликою няволи, А при крепких каравулах, Под тяжолою муницей [амунией], При ночлегах, при впокоях, А при Божю церкви, При отцовския молитвы...</i>
--	--

Тексты поминальных стихов, представленные в записях XIX века, также близки по содержанию. Их основу составляют обращения к Богу с просьбами о поминовении умерших. Далее же следуют перечислительные ряды тех, кого следует помянуть (родители, дети, братья, сестры и пр.) Общим принципом завершения текстов как поминальных, так и заздравных стихов является молитвенная просьба – о многолетии живым либо о сотворении вечной памяти умершим.

Варианты текстов поминальных стихов

<i>П. А. Бессонов {2, с. 41}.</i> Господи воспомяни Славныя памяти родитилий ваших, Отцы ваши да мамы, Божа, воспомяни, Отцы ваши хрёсныя, Хресникам, хресницам, Пляменникам, пляменницам, Свёкры, свякровки, Дивярья, золовки, В роду поколения, Во всём почитания, При обеднях и при заутринях, При царквах при Божьих домах, За ясными свячами, За гласными звонами, За евством харувимским, За бранными скатяртями, За солодкими кутьями, За мяккими проскурками, За пахучим ладуном, Заключённых, полонённых, В войны посвящённых, Громам забиващих, Молоньей палящих, На огню погорящих, На воды потопляющих, С боку присыпущих, Голодной смертяй помёрших, Которыи душачки биз каплану помиралы, В Божой церкви не бывали, Сакраменту не примали, Вдов ли сирот, безприютных голов, В чужи земли завядёны, Што некому поминать, По имяни называть, На вспомин души давать, Вайрячи³ их свет Христос Во книги в животныи, В псалтыри в суботнии, В граматы церковныи! Доняси ж их свет Христос, Тыи душачки, До города Русалима, До царя Давыда, [Где] Исаковы, Яковы мощи спочивают! Дай, Божа, тыи душачки Во городи в Русалими В раю раявали, со святыми спочивали! Вечная им память [трижды], Создай им, Божа, рай светлой, Земельку лёккую и чарства небесная!	<i>Т. И. Филиппов, Тверская губерния, г Ржев {4, с. 18}</i> Да помянет Господи Род ваше племяние, Отцов ваших, матерей, Дедушек, бабушек, Дядюшек, тётушек. Всех же по имени Господь же их знает. Запиши их, Господи, В грамоты церковные! Понеси их, Господи, За престолы святыя, духовные! <i>И. В Некрасов, Ф. И. Покровский, Ярославская губерния {6, с. 5}</i> Господи, помяни Всех отцов ваших да родителей, И отцов ваших добрых матерей, Младых ваших младенцев, Запиши их, Господи, Их во грамотки во церковныя, Во святы книги во духовные, За престолом за Господним, Помяни их, Господи, Их во царствии небесном, Сотвори им, Господи, Всем вечную память.
--	---

Перемены, наступившие в жизни русской деревни в начале XX века, повлекли за собой существенное переструктурирование традиционного крестьянского уклада и, как следствие, разрушение многих общественных институтов и видов народного музыкального искусства. «Нищая братия», как социокультурный феномен дореволюционной России, после событий 1917 года

практически перестала существовать. Тем не менее, ее духовное наследие, воплощенное в музыкально-поэтических формах, сохранялось еще долгие годы. Так, в фольклорных традициях Северо-Запада России собирателями были выявлены отдельные очаги бытования песнопений калик перехожих.

Один из таких очагов – северная часть Псковской области. Несколько поэтических текстов, близких к приведенным выше вариантам, были записаны в 1927 году собирателем русского фольклора в Латгалии (Яунлатгальский уезд Латвийской ССР) И. Д. Фридрихом. В д. Поярково Пурвмалской волости ему удалось повстречаться с «профессиональным» нищим – Песьяцким Михаилом Ивановичем, его женой Еленой и дочерью Евдокией. По рассказу Песьяцкого, которому на момент встречи с собирателем был 51 год, он примкнул к нищей братии в молодости. Как указывает Фридрих, братия перемещалась на территории Печорского и Псковского уездов Псковской губернии одной обители к другой, стремясь успеть к тому или иному церковному празднику. Братия распалась, вероятно, после образования нового советского государства. Оказавшись в Латвии, Песьяцкий сохранял свой род занятий – он не имел постоянного места жительства и передвигался в пределах Пурвмалской волости, исполняя духовные стихи за милостыню в деревнях и у сельских храмов. По его сведениям, от братии остались только несколько человек – «Василий Васильев с женой Пелагеей», проживающие в деревне Выбор Корешевской волости Островского уезда, и «Алексей с сестрой Евдокией» из Спас-Великой пустыни Псковского уезда {7}.

Помимо текстов, от Песьяцкого Фридрих записал рассказ о жизни членов нищей братии. Приведем некоторые фрагменты из этого источника: «...Стать равноправным членом нищенской братии было довольно трудно. Желая стать членом братии подвергался испытанию, обязан был угождать головарю и только лишь после приличного угощения всей братии он, в конце концов, был принимаем. Чтобы не быть понятыми другими, в среде нищей братии выработался особый жаргон: [...] рубль – бугровый, гривенник – марочник, копейка – сарина, две копейки – здюга, яйцо – ягненок, мясо – кресло, скупая – скурдая, веник – шлохтер, проси – декай, бутылка – шутылка. Потомственные члены данной братии с презрением относились к тем членам, которые отдавали своих детей в ученье к ремесленникам: "Вы подпорожники", говорили они в таких случаях» {7, с. 113}.

Наиболее ранняя звуковая фиксация песнопений псковских нищих была сделана Эльзой Малер – филологом-славистом, профессором Базельского университета во время ее экспедиций в Печорский район Псковской области в 1937-1939. Два образца были включены собирательницей в публикацию «*Altrussische Volkslieder aus dem Pecoryland*», где они были названы благодарственными песнями («*Bettlerdankeslied*») {8}. Первый приведенный ею пример был записан в д. Декшино от Т. И. Каношиной, известной народной певицы, которая показала собирательнице, как поют «ревуны» – бродячие певцы, просящие милостыню у церковных ворот. Второй образец (благодарность за милостыню) Э. Малер зафиксировала от крестьянок из д. Лисье. В комментариях Малер характеризует эти песнопения как очень древние и обращает внимание на метрические особенности первого напева, связанные с цезурами, отмечает тетраходовую основу обоих примеров. Поэтические тексты, опубликованные Э. Малер, фрагментарны, однако даже на основании этих фрагментов можно судить о самостоятельности каждого из них:

Варианты текстов, опубликованных Э. Малер

д. Декшино Печорского района {8} Мы должны Богу молитцы, У Христа милости просити, За Васильево здоровье, За евоною хозяйку, За ихних за малых деточек...	д. Лисье Печорского района {8} Ой, помоги вам, Господи, Да помоги вам, Господи, Вам спасибо, кормильцы вы...
--	---

После окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году А. Г. Кудышкина и Н. Л. Котикова записали от Т. И. Каношиной еще один вариант стиха. Этот образец вошел в сборник «Песни Псковщины», подготовленный С. Д. Магид в 1948 году, но изданный только в 2019 году благодаря усилиям Е. И. Якубовской {9}. Текст данного песнопения близок молитвенным стихам «за военного человека», записанным в XIX веке. Обращают на себя внимание некоторые поэтические особенности псковского варианта – специфически местный зачинный мотив обращения к «Аксютке», а также строка с упоминанием реки Дунай, в более ранних записях не выявленная. Согласно комментариям, приведенным в издании «Песни Псковщины», «Аксютку» пели слепые бродячие певцы («ревуны») под окнами домов в период Первой мировой войны «за здоровье военных» {9, с. 500}.

В 1992 году в ходе экспедиции Санкт-Петербургской консерватории в д. Сосно Гдовского района Псковской области И. С. Поповой и А. М. Мехнецовым была сделана запись необычного поэтического текста, по зачинному фрагменту (обращение к «Аксютке») сходного с печорским образцом. Гдовский «Аксютка» был опубликован в первой части фундаментального издания «Народная традиционная культура Псковской области», подготовленного коллективом ученых (руководитель проекта и научный редактор – А. М. Мехнецов, автор части – И. С. Попова) {10, с. 79}. В местной традиции данный стих имел календарную приуроченность и звучал на Пасху во время обхода дворов, что определило его публикацию в разделе календарного фольклора. Поэтический текст гдовского варианта отличается от приведенных ранее примеров. Его функция (просьба об одаривании) непосредственно отражается в окончании, произносимом говорком – «Тетенька, яичко!». Однако само содержание свидетельствует о том, что перед нами – текст смехового характера, отсылающий к образной сфере скоморошин. «Наборный» характер сочленения поэтических мотивов сближает гдовского «Аксютку» с шуточными небылицами.

Варианты поэтического текста «Аксютки»

д. Декшино Печорского района {9, с. 354} Мы пойдем(ы), пойдем, Аксютка, На Дунай ли Богу молитца, Христу-Богу поклонитца, За Василиева здаровья, За военнова человека. Создай, Господи, яму здаровья, Где он ходит, и где он бродит, По путям(ы) ли да по дорожкам, Пак(ы)рой яво пеленою, Негасимаю свяцюю.	д. Сосно Гдовского района {10, с. 79} Ты приди-приди, Ак(ы)сютка, П(ы)риди, Марков(ы)на-галубка, Я ня даром к вам приехал, Пол(ы)ныи пазухи орехов, Полны карманы винных ягод. Как с орехов зубам больно, А са ягад брюха дуя, Дуя-дуя надува, Да выше носа натягая. Нельзя Богу памолитца, Хто-та в брюхи шевялитца. Либо мал(е)чик Тимошка, Либо девачка Матрешка.
--	---

Что касается заглавного поэтического мотива (обращение к Аксютке), то он непосредственно отражает локальную специфику стихов, бытовавших на Печоро-Гдовских землях. Возможно, что Аксютка – это зафиксированное в тексте воспоминание об одной из нищенок, входивших в псковскую братию, но утверждать это наверняка нельзя.

Во время экспедиций Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории в Новгородской (1988-1989) и в Тверской (1990-1991) областях собирателями были выявлены отголоски традиции пения калик переходящих и зафиксированы отдельные музыкальные образцы. Все варианты связывались исполнителями с поминовением умерших.

М. В. Захарова из Раменье Мошенского района, вспоминая о пении нищих-попрошаек, связывала этот обычай с различными праздниками. «Столько попрошаек пойдёт – от стола не отходи! Как услышат, где какой праздник – так и ходят, и ходят. Нищие приходят, [их] просят помянуть родителей, [приговаривают]: “Помяни, Господи, вашу скотинку, детей, семейство”» (Архив Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории. Основной аудио фонд. № 2764-36 Далее – Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ.). Она же рассказала и о хождениях слепых с поводырем. Интересно, что в рассказе М. В. Захаровой фигурируют термины, отсылающие к традиции церковных молений («славить», «дьячить»). «Слепые ходят. [Их] водака водит, мальчик ходил. Постукаются под окошком. Поют. Они спрашивают: “Можно прославить родителей?” Слепой подошел — [ему что-нибудь] дают, и яиц дают, расплачиваются. На то они и ходят. Потом они “Отче” [поют] — тоже дьячат в окошко» (там же).

Согласно комментариям, полученным от жителей д. Боровское Хвойнинского района Новгородской области, обычай петь поминальные стихи не связывался с представлениями о хождении нищих певцов. Песнопения были включены в зимние обходы дворов и исполнялись в святочный период. Обязательными элементами такого действия были ряжение и одаривание пришедших ритуальной пищей. «Это уже в Святки [было]. Ходили некоторые бабы, поминали родителей. Я сама рядилась “самокруткой”. Сарафан длинный, [одевались] похуже, как посмешней.... < > Придешь в дом – чтобы тебе дали чего-то. Мы не голодные, а все равно чего-то давали: или колобушки, или рыбка, или что-то там. Дак, надо ж заслужить!» (Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 2545-31,32). Основу поэтического текста песнопений, по воспоминаниям рассказчицы, составляло перечисление имен умерших родственников, сочетающееся с поэтическими оборотами из поминальных молитв. «Ну, вот, я начинаю помянуть родителей. Спросишь: “Разрешите, хозяйшка, хозяин, помянуть родителей ваших, родственников?” – “Пожалуйста!” – “Назовите их имена”. Называют имена... Вот она подходит к иконе, крестится. Она еще начнет и плакать, на колени встанет, дак крестится. Каждого в этом доме своих родителей поминают, называют: “Помяни, Господи, того-то, того-то”» (там же).

Близкие по описаниям обычаи поминовения умерших нищими были зафиксированы в Бежецком и Рамешковском районах Тверской области. К. В. Павлова, жительница села Теблеши, вспоминала о том, как сама ходила по домам с пением. «Беру корзиночку я. Беру палочку – ползком, или как... Иду – просить милостыню. Иду, постучусь. Открывают дверь – и спрошу. Пою им песню» (Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3071-06).

Поэтические тексты стихов, записанных в тверских деревнях, невелики по объему и нестабильны по структуре. Однако вербальные формулы,

используемые в песнопениях, оказываются вполне узнаваемыми и сопоставимыми с приведенными выше образцами:

*Варианты поэтических текстов поминальных стихов
из Бежецкого района Тверской области*

Поминальное песнопение. Тверская область, Рамешковский район, с. Корино. Исп.: Шурова Н. Ф., 1902 г. р. Зап.: Валевская Е. А., Мехнецова К. А., 21.07.1990. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3050-17.	Поминальное песнопение. Тверская область, Бежецкий район, с. Теблеши. Исп.: К. В. Павлова, 1936 г. р. Зап.: Лобкова Г. В., Карамышева Н. П., 19.07.1990. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3076-06.
И воспомя... воспомянем(ы), Господи, Всех сродство ваших родителей, И отцов и ваших братьей, И малых маладен(ы)цов, Помени вас, Господи, Вечная память!	Воспомянем ваших сродников, Всех ваших родителей. На войне ни погибающих, На воде ни потопающих. Господи, Господи, Господи, Дай кусочек хлебушка...

Таким образом, с учетом псковских, тверских, новгородских записей, можно говорить о том, что поминальные и задравные стихи, некогда исполняемые каликами переходными и нищими, в первой половине XX века стали частью крестьянской фольклорной традиции. С одной стороны, актуальность этих жанров возрастала в тяжелые времена, связанные с последствиями революции и войнами, и поэтому обычай просить милостыню стал одним из возможных способов пропитания в голодные годы. С другой стороны, некоторые песнопения настолько укоренились в деревенской среде, что вошли в пасхальные и святочные обходы дворов. И к этому имелись достаточные основания. Во-первых, «нищая братия» часто появлялась в деревнях именно в праздничные периоды, связанные с различными датами церковного календаря. Во-вторых, деревенские ритуальные обходы дворов с пением празднично-поздравительных песен выполняли сходную функцию благопожелания живущим. Кроме того, в структуру календарных обходов могли включаться и церковные песнопения – например, тропарь и кондак Рождества, тропарь и стихиры Пасхи. Народные распевы этих песнопений стали частью крестьянской песенной культуры во многих местных традициях северо-западного региона России. Наиболее значимыми примерами взаимопроникновения церковно-певческой культуры и календарного фольклора стали зафиксированные в Новгородской и Тверской областях пасхальные песнопения «Христос воскрес», исполняемые во время ритуальных обходов дворов, деревни, поля, кладбища {11}.

Варианты напева

Для того, чтобы представить напевы задравных и поминальных стихов, сопоставим их слуховые нотации, опубликованные в сборниках второй половины XIX века, и расшифровки, сделанные на основе экспедиционных звукозаписей. К сравнению привлекаются следующие варианты:

- Тверская губерния, город Ржев: задравный стих (запись Т.И. Филиппова) {4, с. 18};
- Тверская губерния, город Ржев: «поминальная», запись Т.И. Филиппова {4, с. 17};
- Новгородская губерния, Боровичский уезд: задравный стих, запись А. К. Лядова {5, с. 7};

- Восьмивременной период лежит в основе ржевского поминального стиха и печорского варианта из д. Лисье. В записи Т. И. Филиппова отражена вариативность распределения поэтического текста в стабильных временных рамках. Напев, приведенный Э. Малер, наоборот, демонстрирует устойчивость соотношения восьмисложника и восьмивременника. Варианты отличаются и ритмическим оформлением клаузулы.

На основе десятивременной модели организованы четыре варианта – боровичский, записанный А. К. Лядовым, гдовский и печорские образцы из д. Декшино.

Схема 2. Слогоритмическое строение десятивременных напевов

Боровичский уезд (запись А. К. Лядова)									
									10
Уж Мы Мы У	мы у- дол- Хрис-	ни- бо- жны та	Бо-	ща- ги- гу- ми-	я е мо- лос-	бра- лю- лечь- ти	ти- про	я, ди. ся, сечь.	8 сл. 7 сл. 9 сл. 8 сл.
Печорский район, д. Декшино (запись А. Г. Кудышкиной и Н. Л. Котиковой)									
									10
Мы На Хрис- За За Со- Где По Па- Не-	пой- Ду- ту Ва- во- здай, он пу- крой га-	дём (ы) най Бо- си- ен- Гос- хо- тям(ы) я- си-	пой- ли Бо- гу ли-е но-ва по- дит, и ли да во ма-	дём, гу по- ва че- ди, е- где по пе- ю	Ак- мо- кло- зда- ло- му зда- он до- ле- свя-	сют- лечь- нечь- ровь- ве- ровь- бро- рож- но- цо-	ка, ся, ся, я, ка. я. дит. кам, ю, ю.	8 сл. 9 сл. 8 сл. 9 сл. 9 сл. 10 сл. 9 сл. 9 сл. 8 сл. 8 сл.	
Гдовский район, д. Сосно (запись И. С. Поповой и А. А. Мехнецова)									
									10
Ты	прий-	ди,	прий-	ди,	Ак-	сют-	ка...		

В нотации А. К. Лядова, включающей 4 мелостроки, показаны разные варианты слогового состава текста и различные способы его ритмизации. Псковские стихи отличаются устойчивым хореическим окончанием. Вариант из д. Декшино, записанный А. Г. Кудышкиной и Н. Л. Котиковой, демонстрирует возможности расширения 8-сложной модели за счет дополнительных слогов, что приводит к дроблению основных времен и изменению ритмического рисунка. Наиболее стабильный облик имеет гдовский образец. Его главной особенностью, в отличие от остальных вариантов, является подвижный темп исполнения (согласно обозначению метронома – в два раза быстрее, чем другие псковские напевы). Если учесть характер поэтического текста гдовского «Аксютки», то можно отнести его к особой жанровой разновидности, в которой соединились функции календарной припевки на обход дворов, плясовой песни и небылицы-скоморошины.

В ряде вариантов обе музыкально-временные модели могут сочетаться. Так, например, в нотации заздравного стиха, сделанной Т. И. Филипповым, на 8-временную модель опирается лишь первая мелострока. Далее напев излагается в 10-временной структуре, в ритмической версии, сходной с новгородским примером из сборника А. К. Лядова (см. Примеры 1, 2).

Весьма объемной по количеству зафиксированных мелострок является нотация И. В. Некрасова. Согласно ей, поминальный стих, записанный в Ярославской губернии, построен на свободном чередовании 8- и 10-временных мелострок со слоговым составом от 6 до 10 слогов.

Схема 3. Слогоритмическое строение напева, записанного И. В. Некрасовым

										8
Гос-		по-	ди,			по-	мя-	ни		6 сл.
										10
Всех	от	цов	ва-	ших	ро-	ди-		те-	лей,	9 сл.
			 							10
И	от	цов	ва-ших	доб-	рых	ма-		те-	рей,	9 сл.
										10
Мла-	ды-	их	ва-	ших	мла-	ден-		цев.		8 сл.
										8
За-	пи-	ши	их,			Гос-		по-	ди,	7 сл.
										10
Их	во	гра-	мот-	тки	цер	ков-		ны-	е,	9 сл.
			 							10
Во	свя-	ты	кни-ги	во	ду-	хов-		ны-	е	10 сл.
										10
За	пре-	сто-	лом	за	Гос-	под-		ним.		8 сл.
										8
По-	мя-	ни	их,			Гос-		по-	ди,	7 сл.
										10
Их	во	цар-	стви-	и	не-	бес-		ном.		8 сл.
										8
Со-	тво-	ри	им,			Гос-		по-	ди,	7 сл.
										8
Всем	веч-	ну-	ю			па-		мать.		6 сл.

Образцы из Тверской области, записанные в ходе экспедиций Ленинградской (Санкт-Петербургской) консерватории, менее стабильны в музыкально-временном отношении, однако в них также заметно тяготение к обозначенным структурам и их свободное чередование.

Схема 4. Слогоритмическое строение напева из д. Корино Рамешковского района

♪	♪	♪	♪			♪	♪	♪	8 ♪
Вос-	по-	мя-	нем,			Гос-	по-	ди,	7 сл.
♪	♪	♪	♪	♪	♪	♪	♪	♪	10 ♪
Вех	срод-	ство	ва-	ших	ро-	ди-	ти-	лей,	9 сл.
♪	♪	♪	♪	♪	♪	♪		♪	10 ♪
И	от-	цов	и	ва-	ших	бра-		тей,	8 сл.
♪	♪	♪	♪	♪	♪	♪	♪	♪	10 ♪
И	ма-	лы-	их	ма-	ла-	де-	ны-	цев.	9 сл.
♪	♪	♪	♪			♪	♪	♪	8 ♪
По-	мя-	ни	вас,			Гос-	по-	ди,	7 сл.
♪		♪	♪			♪		♪	8 ♪
Веч-		на-	я			па-		мать!	5 сл.

В мелодическом отношении напевы обнаруживают некоторые различия, связанные с разницей звукорядных шкал по объему и интервальному составу. Так, например, в нотации А. К. Лядова отражено сочетание двух мелострок разного амбитуса, которое создает подобие вопросо-ответной структуры. Напевы, приведенные Т. И. Филипповым, демонстрируют непосредственное сходство друг с другом, а также со стихом, записанным Лядовым:

Пример 1. Новгородская область, Боровичский уезд {5, 7}

Moderato

Уж мы, ни - ща - я бра - ти - я,
Мы у - бо - ги - е лю - ди,

Пример 2. Тверская губерния, г. Ржев {4, 18}

Умеренно

Мы ни - ща - я бра - ти - я,
Мы долж - ны Бо - га мо - ли - ти...

Варианты бежецких напевов отличаются на звукорядном уровне. Так, например, стих, записанный в селе Теблеши, основан на фригийском тетрахорде:

Пример 3. Поминальное песнопение. Тверская область, Бежецкий район, с. Теблеша. Исп.: К. В. Павлова, 1936 г. р. Зап.: Лобкова Г. В., Карамышева Н. П., 19.07.1990. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3076-06.

Во - спо - мя - нем ва - ших срод - ни - ков,
 Всех ва - ших ро - ди - те - лей,
 На вой - не ни по - ги - ба - ю - щих,
 На во - де ни по - то - па - ю - щих.
 Гос - по - ди, Гос - по - ди, Гос - по - ди,
 Дай ку - со - чек хле - буш - ка...

Некоторую самостоятельность обнаруживает образец поминального песнопения, записанный И. В. Некрасовым – он наиболее развит в мелодическом отношении и насыщен внутрислоговыми распевами. Его особенностью также является вариантивность высотного положения кадансового тона.

Пример 4. Ярославская губерния {6, с. 4-5}

...По - мя - ни их, Гос - по - ди,
 Их во царс - тви - и не - бес - ном...

Среди псковских примеров выделяются варианты заздравного стиха, записанные в д. Декшино от Т. И. Каношиной. В ее неспешном, «тягучем» исполнении, насыщенном распевами, цезурами и словообрывами, отразился стиль пения местных «ревунов» (от глагола «реветь», плакать), практически превративших напев в песню-плач.

Пример 5. Псковская область, д. Декшино {8}

My dol - zny Bo - gu mo - li - tissj,
 u Chri - sta mi - los - ti pro - ssi - ti
 za Wa - ssilj - e - wo zdo - ro - wje...

Тем не менее, напевы, бытовавшие в разных губерниях, имеют существенное интонационное родство, обусловленное общей повествовательной направленностью песенного высказывания. Сходной является и логика музыкального движения на основе сочетания двух ячеек-мотивов. Их последование образует мелодический рельеф из двух интонационных волн – большой и малой. Зачинная ячейка (большая волна) образована восходящим движением к квартовому тону и последующей нисходящей компенсацией. Эта попевка-возглас наиболее вариативна: ее облик определяется объемом и типом звукоряда, а также степенью развитости напева в целом. Некоторые напевы начинаются с вершины-источника и реализуют лишь нисходящий вектор развития мелодии. Вторая мелодическая ячейка (малая волна) завершает напев малотерцовым нисходящим ходом, и она устойчива во всех вариантах.

Единство принципов ладообразования проявляется в характере высотной дифференциации опорных тонов, соответствующих акцентным слогам стиховой строки и ее последнему слогу. Таким образом, выявляется общая для большинства мелодических вариантов ладовая основа, очерчивающая тоны квартового трихорда:

Таблица 1. Варианты напева (наиболее показательные мелостроки)

Тверская губерния, Ржев {4, с. 17}

Мы дол - жны Бо - гу мо - лит - ся...

Новгородская губерния, Боровичский уезд {5, с. 7}

Уж мы ни - ща - я бра - ти-я...

Ярославская губерния {6, с. 4}

Их во царс - тви - и не - бес - ном...

Псковская область, Печорский район, д. Декишино {9, с. 354}

Мы пой - дём (ы), пой-дём, Ак - сют - ка...

Псковская область, Печорский район, д. Лисьё {8}

Ой, ро - мо - gi wam, Gos-po-di, da...

Псковская область, Гдовский район, д. Сосно {10, с. 79}

Ты прий - ди, прий - ди, Ак (ы) - сют - ка...

Тверская область, Бежецкий район, с. Теблеши. ФЭЦ. № 3076-06.

На вой - не не по - ги - ба - ю-щих...

Проведенный обзор показал, что варианты напевов заздравных и поминальных песнопений, исполняемых каликами переходжими и их преемниками – нищими-странниками, могут быть отнесены к одному музыкальному типу. Свойствами последнего являются:

- одностиховая композиция;
- подвижность слогового состава строки и свободное чередование дактилических и хореических окончаний;
- возможность реализации в двух музыкально-временных версиях (8 и 10 единиц);
- ладовая модель, основанная на квартовом трихорде с главной опорой на нижнем тоне этой ячейки;
- мелодический тип, образованный в результате последовательного соотношения двух ячеек-мотивов.

Как выяснилось, родство напевов заздравных и поминальных песнопений обнаруживается на достаточно большой территории. Вероятно, сходство музыкального репертуара певческих артелей из разных мест можно объяснить их территориальными перемещениями. На это обстоятельство обратил внимание Ф.М. Истомин, наблюдавший «огромные сборища» бродячих певцов во время экспедиции 1893 года (вместе с С. М. Ляпуновым): «Вятские нищие отдельными партиями нередко уходят и за пределы Вятской епархии, распевая свои пропевы в более или менее известных обителях и пустынях, привлекающих к себе многочисленных богомольцев» {12, с. 132}.

Однако вопросы происхождения напева и его историко-типологической оценки остаются нерешенными. Конечно, однозначная интерпретация здесь вряд ли возможна, хотя бы потому, что любой факт фольклора есть зафиксированный на структурном уровне результат динамического процесса развития музыкального языка, происходящего в определенное время, на определенной территории, с учетом различных сопутствующих обстоятельств. Тем не менее, постараемся хотя бы обозначить основные направления, по которым возможно дальнейшее изучение песенного наследия калик перехожих.

Напев калик перехожих в контексте русской фольклорной и церковно-певческой традиций

Обращение к экспедиционным материалам и публикациям фольклора северо-западных, севернорусских, центральных районов России позволило установить, что варианты напевов с 10-временной структурой бытовали в фольклорных традициях и с другими поэтическими текстами. Мы находим их среди духовных стихов, сюжеты которых широко известны на Русском Севере – «Христос и нищая братия», «Сон Богородицы», «Алексей Божий человек», «Осада Соловецкого монастыря» {13; 14; 15}. Контекст исполнения этих текстов, безусловно, был более многоплановым и охватывал основные календарные периоды исполнения духовных стихов вообще – постовое время (обычно первая неделя Великого поста) и зимние посиделки («беседы»). Однако данная структура напева не является единственной возможной для названных сюжетов. Наиболее типичной является 12-временная версия напевов, которая охватывает целый ряд духовных стихов и некоторых других эпических произведений (например, так называемой былины о птицах). Некоторые севернорусские образцы повествовательного фольклора, родственные по напеву с заздравными и поминальными песнопениями, имеют мобильные параметры композиции, но сохраняют при этом особенности слогоритмической организации, типичные для заздравных и поминальных песнопений.

С вариантами напева калик перехожих был зафиксирован и текст баллады «Князь Михайло» с сюжетом о свекрови-погубительнице. Данная баллада – единственный пример поэтического текста, сложившегося в русле русской

музыкально-эпической традиции, но напрямую не связанного с религиозной тематикой. Одна из записей баллады была сделана в Старорусском районе Новгородской области в 1976 году экспедицией Новгородского педагогического института, и ее напев очень близок мелодии заздравного песнопения, приведенной А. К. Лядовым:

Пример 6. Новгородская область, Старорусский район, д. Чертицко {16, с.21}

Интересен еще один факт: все известные нам варианты баллады «Князь Михайло», а также названные выше сюжеты духовных стихов (за редкими исключениями), распеваются только на варианты этого напева. В творчестве знаменитых русских сказителей М. Д. Кривополеновой, Т. Г. Рябина, А. М. и М. С. Крюковой, исполнявших стихи, данная музыкальная форма закреплялась только за ними и никогда не служила основой для интонирования былин. Более того, 10-временной композиционно-ритмический тип нехарактерен для других жанров русского фольклора. Это является серьезным аргументом в пользу гипотезы о том, что сама модель сформировалась именно в сфере народных песнопений духовного содержания.

Записи духовных стихов, сделанные в некоторых районах Русского Севера, дали возможность судить о двух способах их бытования в крестьянской среде – сольном и коллективном {17}. Данное обстоятельство является важным, потому что позволяет выявить типологическое сходство способов функционирования духовных стихов в фольклорной традиции и в среде калик переходных. Необходимость совместного исполнения стихов способствовала стабилизации музыкально-поэтической формы. Устойчивость исполняемых песнопений и их музыкальная лаконичность позволяли новым участникам артели певцов-странников легче встраиваться в нее и осваивать необходимый репертуар. При дальнейших перемещениях паломников этот репертуар мог «оседать» на тех территориях, где они оказывались.

Что касается 8-временных вариантов напева стихов, то здесь можно обнаружить большой жанровый спектр форм фольклора, имеющих сходный принцип организации. Народные песни, напевы которых организованы на основе периода из восьми счетных единиц, так или иначе, обнаруживают моторно-двигательную основу. В первую очередь, обратим внимание на фольклорные жанры, непосредственно связанные с хореографическим движением (плясовые и хороводные песни, частушки, инструментальные наигрыши), а также календарные и свадебные песни, сопровождающие ритуальные перемещения участников обрядов (шестивия, обходы дворов и пр.). Кроме того, данный тип организации фигурирует и в таких явлениях фольклора, которые включают кинетические элементы, связанные с песенной формой опосредованно (например, качание ребенка при пении колыбельных песен, подбрасывание

колец при исполнении подблюдных и др.). В данном контексте подобная структурная основа песнопений, одной из функций которых является сопровождение перемещений артели странников, представляется более чем органичной. В продолжение этой мысли выскажем еще одну: не унаследована ли данная черта от напевов, сложившихся в практике бродячих музыкантов Древней Руси – скоморохов? Несмотря на то, что социальные институты калик и скоморохов были самостоятельными и в структуре древнерусского общества решали разные задачи, между этими группами некрестьянского населения было много общего – и те, и другие постоянно путешествовали и зарабатывали пением.

Особенности ладового строения напевов калик переходящих дают не менее важный материал для размышления. Приведенная выше ладовая модель восходит к речевым интонациям-формулам, выполняющим функцию обращения, призыва. Ее варианты были выявлены в таких специфических «домузыкальных» явлениях, как интонируемые выкрики продавцов-разносчиков и близкие им формы календарно-обрядовых кличей, ритуальные возгласы священников и другие формы церковной псалмодии. Можно сказать, что данная модель относится к разряду музыкально-языковых универсалий, которые проявляются в интонационном поведении человека в связи с реализацией сходных функций. Представляющая собой наиболее удобную и максимально естественную форму мелодически выраженного повествования-прошения, она идеально совпала с требованиями жанра и смогла реализовать его коммуникативные задачи.

Таблица 2. Возгласы, реализующие единую ладовую модель

Возглас перед песнью Богородицы {19, с. 18}

Бо - го - ро - ди-цу и Ма - терь Све - та

в пес нех воз - ве - ли - чим.

Выкрик разносчика рыбы {20, с. 51}

Све - жа-я ры - ба, ры - ба.

Масленичный выкрик {21, с. 130}

Мас - лен - ца об - ман - щи-ца!

Если говорить об интонационных связях напева калик переходящих и других фольклорных жанров, то можно обнаружить их в мелодиях псковских, новгородских, онежских плачей, в некоторых прощальных свадебных песнях Севера и Северо-Запада России, лирических песнях-жалобах. Сам принцип сочетания большой и малой мелодических волн (реализуемый в различных звукорядных шкалах) является типичным для многих жанров плачево-повествовательной направленности. В частности, он выступает как один из ведущих конструктивных принципов формирования былинных и плачевых напевов на Русском Севере.

Пример 7. Новгородская область, Поддорский район, д. Масловское {22, с. 163}

Обратим внимание еще на одну особенность заздравных и поминальных песнопений, отраженную как в слуховых нотациях, так и в расшифровках звукозаписей – завершение исполнения самостоятельной музыкальной фразой обобщающего характера. Эта особенность композиции поминальных и заздравных песнопений впервые была замечена А. Л. Масловым, который назвал заключительные мелостроки «каденциями». Некоторые варианты таких «каденций» решены в повествовательном ключе и имеют нисходящую направленность мелодии. Заключительные музыкальные фразы отличаются по структуре от основного напева – расширяют (вариант «поминального» стиха Т. И. Филиппова) или же наоборот сокращают (теблешский вариант) его пределы.

Каденции такого рода вызывают ассоциации с принципами организации разговорной речи, что характерно для жанров повествовательного фольклора – былин, причитаний. Фразы, произносимые «говорком», часто завершают исполнение колядок, деревенских версий рождественского тропаря, народных молитв и заклинаний. Принцип завершения исполнения аналогичными «каденциями» можно обнаружить и в церковных гласовых песнопениях – например, в стихирах и тропарях. Их тексты распеваются на основе определенной неоднократно повторяемой мелодической формулы. Заключительная строка текста выполняет функцию кадансирования – она иная по структуре и часто отличается мелодически. Как правило, она решена в повествовательном ключе и имеет нисходящий мелодический контур (см. Пример 3).

Более интересны «каденции», основанные на восходящем мелодическом обороте. Их примеры мы находим в печорском напеве «Аксютки» и варианте ржевского «здравного» стиха, записанного Т. И. Филипповым. Оба образца завершаются на квартном тоне звукоряда. Интонации возгласа, лежащие в основе этих «каденций», вызывают ассоциации с обрядовыми календарными напевами. Вероятно, эти связи неслучайны – песнопения имели выраженную коммуникативную направленность, сочетая функции молитвенного обращения к Богу и просьбы о милостыне, направленные слушающим их людям.

Таблица 3. Варианты кадансовых мелострок

Аналогичным образом организованы и формы литургического чтения нараспев. Они завершаются особыми интонационными оборотами, отличными от основной «погласицы». Один из наиболее типичных приемов, обозначающих конец распевного чтения – восходящий трихордовый мотив с остановкой на квартовом тоне:

Пример 8. Фрагмент чтения Евангелия {18, с. 313}

Наконец, интерпретации требует и такой признак духовных песнопений, как хореическое окончание, которое обнаруживается во всех выявленных образцах. Иногда, как уже отмечалось, оно свободно чередуется с дактилической клаузулой, но довольно часто доминирует на протяжении всего музыкально-поэтического текста. Присутствие так называемых «женских» окончаний, тяготение текстов заздравных и поминальных стихов к равносложности, периодическое присутствие рифмы – все это может быть отражением влияния виршевой поэзии духовного содержания, сложившейся в Польше и широко распространившейся в Украине, Белоруссии и России с XVII века{23}. Появление виршевого стиха русском народно-песенном искусстве, вероятно, связано, в том числе, с институтом калик перехожих, поскольку среди них было немало образованных людей, включенных в книжную культуру. Кроме того, постоянные перемещения артелей певцов-паломников создавали условия для проникновения новых форм поэзии и способствовали их дальнейшей адаптации в русской литературной традиции.

Выводы

Музыкальная традиция русских певцов-странников, зафиксированная собирателями XIX-XX веков в северо-западных, северных и центральных губерниях России, представляет собой особое явление народной музыкальной культуры. Она складывалась в процессе обобщения различных слуховых впечатлений, лежащих как в сфере церковной музыки, так и в фольклорном мелосе. Ядро этой традиции составил напев, выполнявший в ней роль музыкальной формулы – основы, на которую калики перехожие распевали как заздравные и поминальные тексты, так и иные, связанные с христианскими мотивами и образами. Удивительным образом в состав сюжетов, исполняемых на этот напев, вошла баллада «Князь Михайло», которая бытовала на достаточно большой территории, сохраняя структурные связи с духовными песнопениями {24}.

На основе приведенных в статье фактов можно сделать заключение о том, что основную версию напева калик перехожих демонстрируют 10-временные образцы заздравных и поминальных песнопений. Об этом говорит тот факт, что в русском фольклоре бытование данного музыкально-структурного типа

ограничено только задравными и поминальными песнопениями калик, некоторыми духовными стихами и упомянутой балладой и в других жанровых сферах не обнаруживается. Тем не менее, тесная интонационная, ритмическая, композиционная взаимосвязь напева с широким кругом фольклорных жанров свидетельствует о том, что он складывался на основе композиционных и мелодических приемов, сложившихся в практике крестьянской песенной культуры. Интонационное родство напева с церковными песнопениями, в особенности – с формами литургического чтения, является показателем близости певческой культуры калик переходных и церковной музыкальной традиции в целом, а также выявляет те свойства, которые могут быть отнесены к разряду универсалий древнерусского музыкального языка, основанного на речевых интонациях.

Экспедиционные записи середины и второй половины XX века дают возможность увидеть, как продолжается жизнь музыкального репертуара калик переходных в фольклорной традиции, складываются локальные варианты напевов и текстов, происходит их жанровое переосмысление. Привлечение дополнительного круга источников может помочь обнаружить следы бытования напевов нищей братии и в других жанрах фольклора. Надеемся, что в ходе дальнейших исследований найдутся дополнительные основания для обозначения взаимосвязей двух исторически самостоятельных музыкальных традиций, которые сформировали русские певцы-странники – калики и скоморохи.

Библиография

1. Маслов А. Л. Калики переходные на Руси и их напевы: Историческая справка и мелодико-технический анализ. – СПб.: Тип. глав. упр. уделов, 1905. – 12 с.
2. Киреевский П. В. Русские народные стихи // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1848. Вып. 9. – С. 145-228.
3. Бессонов П. А. Калики переходные. Сборник стихов и исследование. Том 1. – М., 1861. – 268 с.
4. Римский-Корсаков Н. А. 40 русских народных песен, записанных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским- Корсаковым. – М.: Изд. П. И. Юргенсона, 1882. – 62 с.
5. Лядов А. К. Сборник русских народных песен (ор. 43) / А. К. Лядов. – Лейпциг: издание М. П. Беляева, 1898. – 40 с.
6. 50 песен русского народа для одного голоса с сопровождением фортепиано из собранных в 1894-1899 и 1901 гг. И. В. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским. Переложил Анатолий Лядов. – СПб.: изд. Песенной комиссии ИРГО, 1903. – 84 с.
7. Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда / Собраны И. Д. Фридрихом, под ред. проф. П. Шмита. Кн. 1: Песни: детские, хороводные, беседные, обрядовые, заговоры и духовные стихи и др. – Riga: J. Fridricha izd., 1936. – 527 с.
8. Mahler Elsa. Altrussische Volkslieder aus dem Pecoryland: Fur Gesang a cappella. – Basel: Barenreiter, 1951. – 180 с.
9. Магид С. Д. Песни Псковщины: Неопубликованные материалы экспедиций Фонограммархива Пушкинского Дома / изд. под- гот. Е. И. Якубовская. – СПб. : Издательство «Пушкинский Дом», 2019. – 560 с.

10. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов. Т. 1. / Автор проекта А.М. Мехнецов. – СПб., Псков: Изд-во Псковского обл. центра нар. творчества, 2002. – 686 с.
11. Королькова И. В. Народные песни и наигрыши Новгородской области. (Хрестоматия по музыкальному фольклору из экспедиционных коллекций Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Вып. 1). – СПб.: Издательство «Мультиграфик», 2014. – 48 с.
12. Песни русского народа: собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Ф.М. Истомин; напевы С.М. Ляпунов. – СПб.: Изд-во ИРГО, 1899. – 279 с.
13. Астахова А. М. Былины Севера. Том второй. Прионежье, Пинега и Поморье. – Москва, Л.: Издательство академии наук СССР, 1951. – 849 с.
14. Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова (2002) / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 1080 с.
15. Лобкова Г. В. Особенности эпических напевов Вологодской области // По следам Е. Э. Линевой: сб. Науч. ст. / ред.-сост. А. В. Кулев (2002). – Вологда : Обл. науч.-метод. центр культуры и повышения квалификации, 2002. – С. 150–185.
16. Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963–1976 гг.): Песни. Причитания // Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. – Л.: Наука, 1979. – 349 с.
17. Кастров А. Ю. Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926-1934 годов // Из истории русской фольклористики / Отв. Ред. А. А. Горелов. СПб., 1998. – С. 403-438.
18. Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. – М.: Знак, 2006. – 472 с.
19. Спутник диакона / Сост. Протоиерей Александр Сорокин (2003). – СПб.: Сатисъ, 2003. – 64 с.
20. Выкрики разносчиков в записях А. Т. Гречанинова, А. М. Листопадова, Н. А. Невструева, Н. А. Янчука и Д. И. Аракчиева (1906). Со вступ. замеч. Н. А. Янчука и с прил. // Труды МЭК. Т.1. – М., 1906.
21. Попова И. С. Новгородский масленичный фольклор. Учебное пособие. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – 195 с.
22. Королькова И. В. Новгородские причитания. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – 177с.
23. Вирши. Силлабическая поэзия XVII-XVIII веков (1935) / Общая редакция П. Беркова. – М.: Советский писатель, 1935. – 325 с.
24. Королькова И.В. Народная баллада «Князь Михайло» в контексте русской музыкально-эпической традиции // PHILHARMONICA. International Music Journal. – 2022. – № 2. – С. 50-70.